

**ЧАСТЬ III.
ИСТОРИОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ
НАУЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРАКТИК**

А.В. Муравьев

**АРХИАТР СЕРГИЙ ИЗ РЕШАЙНЫ МЕЖДУ
ФИЛОСОФИЕЙ, МЕДИЦИНОЙ И АСКЕТИКОЙ**

Аннотация: Статья посвящена личности и трудам Сергия Решайнского, знаменитого врача и философа VI в. Сергей предвосхитил в своем синтезе медицины и аскетики направление сирийского богословского мистицизма VII–VIII вв., а также развитие научно-философской медицины в арабской науке аббасидского времени. Рассмотрен трактат Сергия «О духовной жизни», где он трактует задачу медицины как аскетическую и наоборот.

Ключевые слова: сирийская медицина, арабская медицина, галенизм, философия, сирийское христианство, христианский Восток.

Об авторе: Муравьев Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, востоковед (арабист, сиролог), доцент Школы Востоковедения, НИУ ВШЭ.

Расцвет арабской медицины и философии начался не с основания халифом ал-Мамуном знаменитого Бейт Аль-Хикма, они явились результатом сложного процесса накопления знаний и прорыва сирийской традиции в VI в. Научно-медицинские исследования и образование как средство передачи знаний греческой и римской медицины и вообще науки выступили именно в Сирии

главным проводником александрийского галенизма. Воспользовавшись кратким миром Юстиниана, сирийские ученые стали путешествовать и создавать школы – прообразы будущих университетов¹. Эта передача школьной традиции описана в недавней книге А. Беккером². Наиболее важной фигурой в этом школьно-научном движении, в VI-ом веке был Сергей (Саргис) из Раш ‘Айна³. Дата его рождения неизвестна, умер он в 536⁴. Врач и философ, который учился в Александрии и работал архиатром (главный санитарным врачом) в своем родном городе в Месопотамии. Короткий анонимный рассказ о нем содержится в рукописи Add. 17202 (A). Там говорится, что Сергей был одарен силой красноречия и являлся последователем учения Оригена (это полемическое утверждение, сделанное без особых оснований, мы вправе игнорировать). Некоторое время он провел в Александрии, изучая наследие Галена и уточняя свои переводы. Сергей был искусен в сирийском языке, хорошо знал Канон врачебной науки⁵. Изначально, как и многие сирийцы, он не принял Халкидонский собор и принадлежал к миафиситской общине, но позднее он стал халкидонитом (мелькитом) и умер в Константинополе. Сергия высоко ценил великий Хунейн ибн Исхак, который, хотя и критиковал его переводы, но восхищался его научными и философскими

¹ Арабские университеты средневековья, от Аль-Азхара до школ Аль-Андалуса и даже отчасти европейские университеты.

² *Becker*. 2006.

³ *Ибн Хордабех*: «Исток реки ал-Хабур — у Ра'с ал-Айна, она питается [водами] ал-Хирмаса и у Каркисии впадает в Евфрат»

⁴ *Hugonard-Roche*. 1997; *Hugonard-Roche*. 2006. *Baumstark*. 1894, P. 358-384. Довольно подробный очерк о Сергии опубликовала в своей знаменитой книге Н.В. Пигулевская, (Пигулевская. 1979), что избавляет нас от необходимости давать подробную картину жизни Сергия и его вклада в науку и философию.

⁵ Здесь впервые в сирийской среде появляется понятие «канона», которое в то время безальтернативно указывало на александрийский сборник сочинений Галена.

достижениями. Знаменитый энциклопедист Барэвройо (Barhebrōyō) в своей «Летописи» причисляет Сергия к категории прекрасных врачей. Правда, Авдишо Нисибинский в своем каталоге⁶ считает Сергия в первую очередь философом.⁷ Справедливость отчасти восстановлена ибн Аби Усайбийей (I, 109), который пишет: *وله مصنغات كثيرة في الطّب والفلسفة*. Итак, уже в средневековой сиро-арабской науке существовало общее убеждение, что в VI в. сирийцы внесли огромный вклад в медицинскую философию благодаря архиатру из Реш-Айна.

Сергий написал большое количество оригинальных работ по философии, логике, грамматике и медицине, но именно его переводы в области теологии, философии (логической и физической), и медицины сделали его знаменитым. Он известен как первый переводчик на сирийский корпуса Псевдо-Дионисия Ареопагита, начал переводить александрийский «Корпус» Галена еще до своего посещения Александрии. Уже во время своего пребывания в столице медицины и философии позднеантичного мира он, вероятно, контактировал с представителями неоплатонической школы Александрии. В его трудах имеются следы знакомства с Иоанном Филопоном и даже цитаты из его сочинений. Сергий продолжал переводить философские и медицинские произведения на сирийский и после возвращения в Раш-Айн, в частности, переработал свои переводы произведений Галена. Не все переводы сохранились, но мы владеем информацией о них благодаря трудам Хунайна ибн Исхака, знаменитого врача-философа и переводчика IX в. Отзывы Хунейна о переводах Сергия книг Галена нередко очень критичны, но за двести пятьдесят лет изменились и критерии

⁶ Éd. dans *Baumstark*. 1894, p. 359-360.

⁷ Cap. 64; BO III, 1 p. 87.

перевода, и инструментарий переводчиков⁸. Надо отметить, что среди переводов Сергия были и тексты основоположника греческой медицины Гиппократа.

Что касается Галена, то переводы этого великого столпа медицины, как уже было сказано, обобщил Хунейн в своей Рисале (رسالة)⁹ причем он включил в свой список не только переводы Сергия, но и переводческие труды других сирийцев¹⁰. Этот список уточнил Р. Деген, почти одновременно с ними свою статью о Сергии написала Пигулевская. В ее очерке дается список переведенных Сергием трудов Галена. В приложении к статье опубликован уточненный список основных медицинских трактатов Галена, переведенных Сергием.

Впрочем, необходимо сказать, что переводы Сергием Галена – тема крайне сложная из-за множества неясностей филологического свойства¹¹. В частности, непонятно, какие из сохранившихся переводов следует считать текстами Сергия, какие переведены другими сирийскими авторами, и что перевел собственно Хунейн. Далее, неясно, какие версии представлены в сохранившихся рукописях – до-александрийские или пост-александрийские. В распоряжении ученых до сих пор нет хороших научных изданий этих текстов. Важен для изучения наследия Сергия палимпсест, который стал объектом изучения Г. Кесселя, С. Бхайро, Р. Хаули и П. Порманна¹². Еще в начале XX в. А. Баумштарк идентифицировал фрагмент, который теперь восстановлен при помощи технических средств Художественного музея Уолтерса (штат Мэриленд, США). Этот текст посвящен фармакологии, но в нем есть и фрагменты, касающиеся и терапии.

⁸ Hunayn ibn Iṣḥāq, *Risāla*, p. 6 et passim.

⁹ Hunayn ibn Iṣḥāq, *Risāla*, no. 53 (*Bergsträsser*. 1925).

¹⁰ *Degen*. 1981; *Strohmaier*. 1994; *Pormann*. 2012.

¹¹ *Hugonnard-Roche*. 1997, 123-125. *Hugonnard-Roche*. 2004.

¹² *Bhayro, Hawley, Kessel, Pormann*. 2013.

Важным трудом Сергия считается и перевод лемматического комментария Гесия Александрийского на шестую книгу «Эпидемий» Гиппократ¹³. Рукопись из Дамаска (*Ma'arat Sa'īdnāyā*) *Patriarcat Syrien Orthodoxe, MS 12/25*¹⁴ содержит и другие части комментария Сергия. Интересно, что в еврейской рукописи (*New York, Jewish Theological Seminary of America 2761*) сохранился перевод на арабский язык сочинения Галена *De alimentorum facultatibus* («О свойствах пищевых продуктов») сделанный Юсуфом ал-Хури. Он переводил с сирийского перевода Сергия, который был затем утерян¹⁵.

Одним словом, деятельность Сергия оказалась парадигматической для нескольких поколений сирийских и арабских ученых и в этом ее культурная ценность. Объединение интереса к философии с интересом к медицине давало поистине питательную среду для научной мысли. Можно сказать, что это взаимообогащение происходило далее на протяжении почти 500 лет.

Трактат о духовной жизни

Помимо переводов медицинских текстов и переводов Ареопажитик Сергий был автором одного трактата, посвященного христианской жизни (тому, что принято именовать «жизнью духовной»).

Название «О духовной жизни» позднее, оно было дано по первым словам второй главы. Поликарп Шервуд опубликовал издание в 1960 – 1961 гг. по четырем рукописям (*BN Add. 2306; Mingana 167; un ms. Charfet; BM Add 22.370*¹⁶), затем вышло новое издание на основе нескольких других рукописей (*Sin syr. 52* (VII в.), а также,

¹³ Kessel. 2012. P. 93-123.

¹⁴ Ancienement au Monastère St. Marc de Jérusalem.

¹⁵ Bos, Langermann. 2009.

¹⁶ Sherwood. 1960, описание рукописи: 435. Итал. п: Fiori, 2008.

Syr. 378)¹⁷. На листах 42r-54v парижской рукописи 378, которая оказалась вставленной в синайский кодекс Sin. Syr. 52, нашлись новые варианты, по своему качеству лучшие, чем многие тексты Шервуда. В каталоге Синайских рукописей монастыря Филофея указывает на кодекс Sin. Syr. 52, который содержит фрагменты трактата¹⁸.

Этот трактат в наследии Сергия уникален. Несмотря на свой духовный сан, Сергий предпочитал оставаться в рамках медицинской профессии. Однако при этом он хорошо понимал границы своего самоволия и нормы традиционного христианского смирения. «Раб, погруженный в прах», как он назовет себя в начале перевода «Ареопагитик», «начинает писать книгу святого Дионисия». Зачем он стал писать трактат о правильной жизни, почему через два столетия расцвета христианства в Римской империи, которые отозвались расцветом религиозного творчества и у сирийцев, понадобилось вновь возвращаться к азам. Казалось бы, проще перевести «Этикон» Василия Великого или знаменитый трактат младшего брата Василия, Григория Нисского. Но, как оказывается, у Сергия была своя перспектива и свое объяснение, зачем это нужно.

Дело в том, что сочетание медицинской практики и церковного служения создали у Сергия предпосылки для особого рода рефлексии, которую можно было бы назвать «духовной медициной» или «аскетико-медицинской философией». В этой конструкции галеновская медицина предоставляет методологию, а христианская традиция – библейский язык. В качестве связки обычно выступает греческая философия, точнее философия Аристотеля, который сыграл для галенизма роль главного законоположника. В этом смысле Сергий был парадигматической фигурой для восточного мира – следующие поколения христианских и арабских философов-медиков шли по его следам. В этом их

¹⁷ *Quaschnig-Kirsch*. 2000, P. 115-124.

¹⁸ *Philothée*. 2008. P. 607-608; *Géhin*, 2009. P. 87.

отличие от самого Галена, который, насколько можно судить по его биографии и произведениям, к религии относился очень сдержанно, если не прямо скептически. Но на христианском Востоке ситуация была иной и религиозное мировоззрение не только не препятствовало, но и способствовало развитию медицинской практики и философии с одной стороны, и – структурному развитию христианской аскетической дисциплины другой.

Трактат «О духовной жизни», написанный Сергием в последние годы жизни, отличается именно таким синтетическим подходом. Он начинается с указания на связь этого трактата с переводом Ареопагитик (ktav d-qaddisha Dionusios). Это предисловие явно было добавлено редакторами или переписчиками. Текст собственно трактата начинается с главы 3 по изданию П. Шервуда. Сергей указывает, что «учителя духовной жизни разделили духовную жизнь (ḥayūē ruḥānāyūē) на две части: поучение, практика заповедей и знание/созерцание». В этом он строго следует Евагрию Понтийскому, который был для христианских писателей платонического направления в IV – VI вв. главным авторитетом в вопросах аскетики.

Двухчастное деление аскетики у Евагрия, как известно, предполагало прогрессивное движение аскета от практической добродетели (πρακτικῆ) к умозрению (γνωστικῆ или θεωρία). И такой прогресс обеспечивался библейской идеей лестницы-восхождения, образ которой примерно в одно время с Сергием отразил крупнейший грекоязычный систематизатор и поэт аскетики Иоанн Синайский (Лествичник). С другой стороны, уже в грекоязычной традиции была предложена вторая богословская схема, в которой два этапа восхождения (практика и теория/умозрение) стали дополняться схемой Дионисия, где восхождение описывалось согласно платонизму как очищение. В целом же можно сказать, что объясняющий аппарат был

заимствован Сергием из Аристотеля и осмыслен в парадигме платонизма.

Считается, что этот трактат есть своего рода предисловие к переводу Ареопагитского корпуса. С этим согласны как П. Шервуд, привлечший внимание к Сергию как переводчику Дионисия, так и Э. Фьори, издатель новейшего перевода трудов Сергия. Пафос универсального объяснения, столь понятный для перипатетика, виден и в словах «наука умозрения» (ⲛⲓⲟⲕⲁⲗ ⲛⲁⲗⲁⲛⲁ) ¹⁹. Сергию хотелось придать умознению статус научного взгляда, и он называл это двухчастное деление «первоначальным и универсальным принципом» (ⲁ ⲁⲗⲁⲛ ⲛⲁⲗⲁⲛⲟ ⲛⲁⲗⲁⲛⲓ). Цель этого принципа – «возрастание души» (ⲛⲁⲗⲁⲛⲓ ⲛⲁⲗⲁⲛ). А само умозрение, по Сергию, оказывается определением, дефиницией (ⲛⲁⲗⲁⲛⲁⲗⲁ) всего мира сообразно порядку природы и цели. То, что такая схема универсальна, знают «особые ученые» (собственно, гностики, ⲛⲁⲗⲁⲛⲓ).

Затем довольно внезапно Сергей переходит к теме аналогии между медициной и аскетико-мистическим познанием, утверждая особого рода параллелизм. Можно сказать, что его принципом провозглашается аскетическая медицина разума: «Я бы сказал так: искусство врачевания имеет целью лечить тела людей. Поэтому тот, кто этим занимается, делает все для этой цели: прописывает подходящий режим, накладывает повязки, готовит питье, находит и срезает лекарственные растения и все средства, способные лечить» ²⁰.

Вслед за таким параллелизмом Сергей говорит и о купце, снаряжающем корабль, и о военачальнике как образцах правильного понимания соотношения между практикой и теорией. Наконец, переходя к политике, он

¹⁹ Sherwood. 1960., P. 439.

²⁰ Sherwood. 1960. P. 441.

также говорит о необходимости согласовывать цель и средства. При этом цель – защита города и благоденствие его жителей. В такой аристотелевской парадигме координации цели и средств рассматривает Сергей и аскетическую практику (pullhānā). От усердия в аскетическом труде появляется «великая сила святости» (haylā ravvā d-qaddišūtā), изгоняющая всякие порочные наклонности в человеческой душе (14, 440). Потом появляется вторая сила – сила крепости, которую Шервуд называет «героизмом». Такое значение и правда имеется у слова genbrā, однако тут, как кажется, оно несколько натянуто. Далее Сергей описывает, как сила святости помогает очистить душу от страстей, а сила крепости помогает аскету управлять душой. Но здесь, объясняет Сергей, включается третья тонкая сила – сила добродетели праведности (ܩܘܕܫܘܬܐ ܕܩܝܡܘܬܐ ܕܥܠܡܐ). Она доставляет человеку дивную силу бесстрастия (ܩܘܕܫܘܬܐ ܕܩܝܡܘܬܐ ܕܥܠܡܐ)²¹. Эта схема вполне ясно сообразует инструментальность аскетических методов с целью христианской жизни, которой оказывается совершенное познание и видение всего (küll) ясно онтологически. В этом состоянии подвижник смотрит в свою душу и видит там несказанную красоту (ܩܘܕܫܘܬܐ ܕܩܝܡܘܬܐ ܕܥܠܡܐ). Парадигма Сергея оказывается вполне просвещенческой, в том, разумеется смысле, что христианская жизнь описывается как достижение цели путем применения определенных рационально описываемых средств. В гл. XXVII он уподобляет путь спасения буквам алфавита, которые в библейских псалмах образуют особый порядок вроде кода. Ключ к коду – число восемь, которое имеет мистическое значение и в библейской истории, и в христианских обрядах. Сергей не открывает источников своей нумерологии, но ее неопифагорейские обертоны достаточно очевидны. Далее, Сергей поворачивает на богословский путь и посвящает несколько глав указанию, что Путь (‘urha) – это сам Христос.

В LXVIII главе Сергей подводит итог и говорит о трех получаемых подвижником свойствах: святости, силе и праведности. А далее, начиная с гл. LXIX автор начинает говорить об использовании (كلمة) мудрости и знания, полученных в ходе аскетических упражнений. И далее Сергей, вполне в согласии с евагрианской схемой, говорит о действии созерцания на разум: «истинное созерцание спасает ум (عقل) от погружения в пучину заблуждения (كلمة) и лжи». Наградой тем, кто преодолет этот путь будет не только небесное царство, но и знание (علم). Далее в главе С, Сергей прямо говорит, что и «царствие Божие» и «царствие небесное» суть аллегорические выражения знания. Заканчивается трактат предварением к чтению «Ареопагитик».

Как мы видим, перед нами довольно интересно развернутая евагрианская²¹ схема восхождения от практики добродетелей к истинному созерцанию, которое именуется совершенным знанием. Знание же цели необходимо аскету точно так же, как врачу необходимо знание, чтобы излечить больного. Сочинение Сергея, таким образом, оказывается интересным в двух аспектах: как трактат, написанный врачом и как аскетическая программа с точки зрения неоплатонизирующего аристотелизма. В первом смысле мы видим, что гиппократовская идея познания онтологии человека, как необходимого условия его лечения, применяется к духовной стороне. Медицинская методика выявления причины и постановки цели, как Сергей говорит, работает и для аскетико-мистической темы. В этом смысле продолжателями Сергея как восточно-эллинистического типа мышления были великие врачи-философы аббасидского Бейт Ал-Хикма такие как Куста ибн Лука, врачи-переводчики – Хунейн

²¹ Sinkewicz. 2003; см. так же. Объяснение соотношения анагогических схем аскетики и мистики в сирийской традиции у Р. Бёля. *Beulay*. 1990, 38-51.

ибн Исхак и даже ибн Сина. Они брали метод из медицинской теории и переносили его в философию, получая очень техничный и внятный дискурс.

Второй аспект – аристотелевский. Именно аристотелизм лег в основу научного стиля и образа мысли Сергия. Он был переводчиком и комментатором Аристотеля. Именно неоплатонизирующий аристотелизм был, вероятно, доминирующим течением в Александрии VI в., куда Сергей ездил за знаниями и опытом. За долгие годы на Востоке философ стал, прежде всего, аристотеликом, перипатетиком. И богословская культура VII – VIII вв., которая столь ярко проявилась в мистико-аскетическом движении восточно-сирийского монашества, была производной этой традиции. Медицинская и аристотелевская философия определили направление развития целого ряда традиций на христианском и, затем, на исламском Востоке. Если арабский философ периода мутазилизма, например, ал-Кинди или ал-Фараби, был аристотеликом, то дальнейшее развитие философии, например, у Газали или ал-Араби, шло уже в сторону суфийской традиции. И это движение от аристотелизма к мистицизму очевидно уже в сочинениях писателя VI в. Сергия.

Литература

Sergius de Reš'ayna, Sur la vie spirituelle: P. Sherwood (éd. et trad.) Mimro de Serge de Rešayna sur la vie spirituelle, L'Orient syrien 5, 1960, 433-457; L'Orient syrien 6, 1961, 95-115, 121-156; итал. пер.: *Emiliano Fiori* (trad. italiana), *Sergio di Resh'ayna*, Trattato sulla vita spirituale, Magnano, 2008 (Testi dei Padri della Chiesa 93).

Ḥunayn ibn Ishāq, Lettre (Risāla): Gottlef Bergsträsser (éd.), Ḥunayn ibn Ishāq über die syrischen und arabischen Galen-übersetzungen zum ersten Mal herausgegeben und übersetzt, Leipzig, 1925 (Kunde des Morgenlandes 17, 2).

Аржанов Ю. Физика Аристотеля в сирийской школе // Н. Селезнев, Ю. Аржанов (изд.), *Miscellanea Orientalia Christiana*, Москва, 58-91.

- Пигулевская Н.В.* Сирйский врач Сергей Решайнский. К истории сирйской научной литературы VI в. // Ученые записки ЛГУ 98, Серия востоковедческих наук, вып. 1, 43-64.
- Пигулевская Н.В.* Культура сирйцев в средние века. (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования») Assemani III : Assemani, S. J. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana, vol. III, Roma, 1728
- Baumstark Anton*, Lucubrationes syro-graecae, Leipzig.
- Becker 2006 *Adam Becker*, Fear of God and the Beginning of Wisdom: The School of Nisibis and the Development of Scholastic Culture in Late Antique Mesopotamia, University of Pennsylvania.
- Beulay 1990: Beulay R. L'enseignement spirituel de Jean de Dalyatha: mystique syro-oriental du VIIIe siècle. Paris. [Théologie historique 83].
- Bhayro S., Hawley R., Kessel G., Pormann P.E.* The Syriac Galen Palimpsest: Progress, Prospects and Problems, *Journal of Semitic Studies* 58, 1, p. 131-148.
- Bos G., Langermann Y.Tz.*, The Introduction Of Sergius of Resh 'Aina to Galen's Commentary on Hippocrates' On Nutriment, *Journal of Semitic Studies* 54, 1, 179-204.
- Degen R.* Zur Syrischen Übersetzung Der Aphorismen Des Hippokrates// *Oriens Christianus* 62, p. 36-52.
- Degen 1981 R. Degen 1981: *Rainer Degen*. Galen im Syrischen: Eine Übersicht über die syrische Überlieferung der Werke Galens, dans V. Nutton (éd.), Galen: Problems and Prospects, London, p. 131-166.
- [Хабби] 1982: *مجلة المجمع العلمي العراقي // سرجيس الراسعيني. خبي ي* 32, 265-288.
- Hugonnard-Roche H.* Note sur Sergius de Reš'ainâ, traducteur du grec en syriaque et commentateur d'Aristote, dans G. Endress & R. Kruk (éds), The Ancient Tradition in Christian and Islamic Hellenism: Studies on the Transmission of Greek Philosophy and Sciences Dedicated to H. J. Drossaart Lulofs on his Ninetieth Birthday, Leiden, 121-143.
- Hugonnard-Roche H.* Le vocabulaire philosophique de l'être en syriaque d'après des textes de Sergius de Reš'aina et Jacques d'Édesse, dans J. A. Montgomery (éd.), Arabic Theology, Arabic Philosophy from the Many to the One: Essays in Celebration of Richard M. Frank, Leuven – Paris – Dudley (Orientalia Lovaniensia analecta 152), 101-125.
- Kessel G.* The Syriac Epidemics and the Problem of its Identification, // P. E. Pormann (éd.), Epidemics in Context: Greek

Commentaries on Hippocrates in the Arabic Tradition, Berlin – Boston (Scientia Graeco-Araba 8), 93-123.

Philothée 2008: Soeur Philothée du Sinaï, Nouveaux manuscrits syriaques du Sinaï, Athènes.

Pormann P.E. The Development of Translation Techniques from Greek into Syriac and Arabic: The Case of Galen's On the Faculties and Powers of Simple Drugs, Book Six, dans R. Hansberger, M. Afifi al-Akiti & Ch. Burnett (éds), Medieval Arabic Thought: Essays in Honour of Fritz Zimmermann, London – Torino, 143-162.

Sinkewicz R.E. Evagrius of Pontus: the Greek ascetic corpus. Oxford.

Strohmaier G. Der syrische und der arabische Galen, dans W. Haase & H. Temporini (éds), Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. 2, 37, 2, Berlin–N-Y, 1987-2017.

Приложение 1. Схема духовного прогресса по Сергию

Приложение 2. Список переведенных Сергием трактатов Галена

<i>Принятое латинское название</i>	<i>Греческое название</i>	<i>Сирийски е ркп.</i>	<i>Рисаля Хунейна</i>	<i>egen,</i>
<i>I.Ars medica</i>	Τέχνη θεραπευτική	BL Add 7.156	4/4	

		(ed. Sachau ²²)		
2. <i>De elementis Hippocr. sec.</i>	Περὶ τῶν καθ' Ἱπποκράτην στοιχείων		7	11/
3. <i>De temperamentis</i>	Περὶ κράσεων	BL Add 14.661 (Ed. Merx ²³)	8	12/
4. <i>De facult. naturalibus</i>	Περὶ φυσικῶν δυνάμεων		8	13/
5. <i>De ossibus ad Tirones</i>	Περὶ ὀστέων τοῖς εἰσαγομένοις			7/6
6. <i>De venarum arter. dissectione</i>	Περὶ φλεβῶν καὶ ἀρτηριῶν ἀνατομῆς		7	10/
7. <i>De nervorum dissectione</i>	Περὶ νεύρων ἀνατομῆς			9/7
8. <i>De usu partium</i>	Περὶ χρείας μοριῶν		22	49/
9. <i>De aliment. facultat.</i>	Περὶ τῶν ἐν ταῖς τροφαῖς δυνάμεων	BL Add 17.156 (ed. Sachau)	29	74/
10. <i>e bonis malisque alimentorum sucis</i>	Περὶ εὐχυμίας καὶ κακοχυμίας	CMG	29	76/
11. <i>e differentiis morb.</i>	Περὶ διαφορᾶς τῶν νοσημάτων		9-10	14/
12. <i>e symptom. differ.</i>	Περὶ τῶν συμπτωμάτων διαφορᾶς		9-10	14/
13. <i>e morborum causis</i>	Περὶ τῶν ἐν τοῖς νοσημάτων		9-10	14/

²² Sachau. 1870.

²³ Merx. 1885.

	αιτιῶν			
14. <i>e symptom. causis</i>	Περὶ αἰτιῶν συμπτωμάτων	(+ SBM ²⁴)	14/ 9-10	7
15. <i>e differ. februm</i>	Περὶ διαφορᾶς πυρετῶν		17/ 12	8
16. <i>e locis affectis</i>	Περὶ τῶν πεπονθόντων τόπων	(+S BM)	15/ 10	7
17. <i>e puls. differ.</i>	Περὶ διαφορᾶς σφυγμῶν		16/ 10-12	9
18. <i>e diagnosc. pulsis</i>	Περὶ διαγνώσεως σφυγμῶν		16/ 10-12	0
19. <i>e causis pulsarum</i>	Περὶ τῶν ἐν τοῖς σφυγμοῖς αἰτιῶν		16/ 10-12	1
20. <i>e praesagit. ex puls.</i>	Περὶ προγνώσεως σφυγμῶν		16/ 10-12	2
21. <i>e crisibus</i>	Περὶ κρίσεων		18/ 12-13	3
22. <i>e diebus decretoriis</i>	Περὶ κρισίμων ἡμερῶν	BL Add 14.658	19/ 13	4
23. <i>e methodo medendi</i>	Θεραπε υτικῆς μεθόδου	(+S BM)	20/ 13-15	5
24. <i>d Glaucionem DMM</i>	Πρὸς Γλαύκωνα θεραπευτικῶν		6/5	6
25. <i>e compositione medicam. sec. loc.</i>	Περὶ συνθέσεως φαρμάκων τῶν κατὰ τόπους	(+S BM !)	79/ 30	0
26. <i>e compositione</i>	Περὶ συνθέσεως	(+S BM)	79/ 30	1

²⁴ Les titres marqués +SBB sont des traductions probablement employées dans l'édition du *Traité anonyme syriaque* publié par W. E. Budge en 1913 sous le titre 'Syriac Book of Medicines' (SBM) dont on va parler plus tard.

<i>medicam. per genera</i>	φαρμάκων τῶν κατὰ γένγη				
27. <i>e remed. parabil.</i>	Περὶ εὐπορίστων	(+S BM)	80/ 30-31	5	
28. <i>n Hippocr. Progn. Commentarii III</i>	Εἰς τὸ προγνωστικόν Ἴπποκράτους		91/ 33	7	
29. <i>e muscul. dissect.</i>	Περὶ μυῶν ἀνατομῆς		8/6 -7	0	
30. <i>e venae sect. adv. Erasistratum</i>	Περὶ φλεβοτομίας		71/ 28	4	
31. <i>e morbis oculorum</i>	Περὶ τῶν τῶν ὀφθαλμῶν νοσημάτων		54/ 24	04	
32. <i>ompend. de puls.</i>	Περὶ φγγυμῶν		66/ 27	05	
33. <i>e fœtus natura in Hippocratem</i>	Περὶ κυομένων διαπλάσεως		10 1/35-36	22	
34. <i>e simplicium medic. temper. et facult. Lib. VI-VIII</i>	Περὶ ἀπλῶν φαρμάκων	BL Add. 14.661 (ed. Sachau) + Syriac Galen Palimpsest (SGP)	53/ 23-24	9	